

Морис Палеолог

ТАЙНЫЙ БРАК ИМПЕРАТОРА

Книга о том,
как Александр II
из-за любви
к княгине Юрьевской
отверг условности
царского двора,
за что и заплатил
жизнью

РОССИЯ
ВЕК XIX

Морис Жорж Палеолог

Тайный брак императора

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9446596

*Морис Палеолог Тайный брак императора (Книга о том, как Александр II из-за любви к княгине Юрьевской отверг условности царского двора, за что и поплатился жизнью): Амфора; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-37598-1*

Аннотация

Воспоминания Мориса Палеолога (1859–1944), дипломата, историка, посла Франции при Российском Императорском Дворе в 1914–1917 годах, – увлекательное чтение о романе 47-летнего российского императора Александра II и 17-летней княжны Екатерины Долгорукой, впоследствии светлейшей княгини Юрьевской. В конце жизни государя княгиня Е. М. Юрьевская стала его морганатической женой. История этой любви разворачивается на широком фоне жизни России второй половины XIX века.

Содержание

Вступление	5
Глава I	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Морис Палеолог

Тайный брак императора

© ООО «Алгоритм-Книга», 2009

© ООО «Издательство Эксмо», 2009

Вступление

Покушение 1/13 марта 1881 года. – Мой приезд в С.-Петербург. – Торжественное погребение Императора Александра II в соборе Петропавловской крепости. – Появление во время отпевания морганатической супруги Александра II княгини Юрьевской. – Ее роль в жизни Александра II и политической жизни России.

Это было в 1881 году. Я только что поступил в Министерство Иностранных Дел и, еще не сдав экзамена, был причислен к кабинету министра Бартеlemi Сент-Илера, переводчика Аристотеля и друга Тьера.

В воскресенье, 1/13 марта, около семи часов вечера, когда я в качестве дежурного находился в комнате, смежной с кабинетом министра, один из чиновников секретного отдела принес мне с растерянным видом срочную телеграмму, только что им расшифрованную. Она гласила:

«С.-Петербург, 13 марта 1881 года.

Страшное несчастье постигло Россию. Император скончался в три с половиной часа пополудни, пав жертвой гнусного покушения.

Его Величество после парада и посещения великой княгини Екатерины возвращался домой, как вдруг брошенной бомбой была взорвана его карета. Император, оставшийся

невредимым, хотел выйти из кареты, чтобы узнать, в чем дело. В это мгновение вторым взрывом ему раздробило ноги. Императора в санях довели до дворца, где он скончался час спустя. Я видел его на его смертном одре, окруженного потрясенной семьей.

Все население столпилось около дворца, выражая глубокую скорбь и сохраняя полное спокойствие.

Из сопровождавших государя один казак убит, пятеро ранено. Говорят и о других жертвах. На месте преступления во время взрыва произведено четыре ареста.

Генерал *Шанзи*».

Несколько часов спустя стали известны и все подробности покушения.

Французское общество было взволновано; печать, как это было и естественно, выразила отвращение, вызываемое у порядочных людей столь гнусным преступлением. Но и только.

В это время взаимоотношения между Россией и Францией не отличались особенной сердечностью. Франция еще не без горечи вспоминала о телеграмме 27 февраля 1871 года, в которой новый германский император, Вильгельм I, сообщая из Версаля своему царствующему племяннику о заключении предварительного мирного договора, писал: «Пруссия никогда не забудет, чем она Вам обязана. Да благословит Вас Бог!»

Правда, ни для кого не было тайной, что в 1875 г. царь

воспротивился тем воинственным замыслам, которые таил Бисмарк против Франции. Но с тех пор деятельность революционеров окружила имя Александра II страшными легендами; его представляли еще более деспотичным и беспощадным, чем его отца – жестокого самодержца Николая I.

За несколько месяцев до убийства важный инцидент до крайности обострил дипломатические отношения между Петербургом и Парижем. Императорское правительство потребовало от нас выдачи анархиста Гартмана, обвиняемого в организации взрыва царского поезда на вокзале в Москве 19 ноября (1 декабря) 1879 года. Под влиянием наших прогрессивных партий, французское правительство отказалось исполнить это требование, что вызвало гнев Александра II. Русская печать выражала свое резкое неудовольствие, и русский посол, князь Орлов, внезапно уехал из Парижа, не простившись ни с президентом республики, ни даже с министром иностранных дел и аккредитовав письмом своего поверенного в делах.

Смерть Александра II ставила Европу перед рядом тревожных вопросов. Что произойдет в России? Является ли покушение 1/13 марта вступлением к общему перевороту? Что одержит победу – консервативные или революционные силы? В случае вероятной сильной реакции, не будет ли царский абсолютизм вынужден теснее сплотиться с германскими державами? Не грозит ли нам опасность возобновления направленного против Франции и заключенного в 1873 году

знаменитого союза трех императоров?..

Бартелеми Сент-Илер желал как можно скорей получить ответ на эти вопросы. Он написал личное письмо по этому поводу нашему послу в России, генералу Шанзи, к которому он относился с глубоким почтением, и поручил мне доставить это письмо, дополнив его некоторыми устными пояснениями.

Во вторник, 3/15 марта вечером, я выехал в Петербург.

На Северном вокзале я получил как бы первое предостережение того, что меня ожидает в России. В зале для отъезжающих я прочел объявление, гласившее, что русская граница закрыта впредь до нового распоряжения и что путешественники, направляющиеся в Россию, должны будут остановиться в Берлине. Мой дипломатический паспорт, однако, обеспечивал мне возможность доехать до Петербурга.

Экспресс был почти пуст. В нем было не более двадцати человек, в число которых входил великий князь Николай Николаевич, брат императора и бывший главнокомандующий русской армией во время Турецкой войны, его сыновья Николай и Петр, возвращавшиеся из Канн, их адъютанты и многочисленная прислуга.

В Берлине, куда мы прибыли на следующий день в 8 часов вечера, у нас была продолжительная остановка, во время которой великим князьям представлялись чины Русского посольства в глубоком трауре и адъютант престарелого императора Вильгельма.

Поезд был подвергнут тщательному полицейскому досмотру, и, за исключением великих князей, их свиты и одного английского курьера, лишь я один получил разрешение следовать дальше.

На следующий день, в 4 часа пополудни, мы прибыли в Эйдкунен, где в поезд внесли множество сундуков и чемоданов военного образца. Немного времени спустя в Вержболово я увидел великих князей в военной форме выходящими из вагона с траурными нарукавниками на серых шинелях. Выстроившийся на перроне отряд солдат отдавал честь.

Несмотря на свой дипломатический паспорт, я был подвергнут тщательному допросу о цели моего путешествия. Жандармский офицер, производивший этот допрос, был изысканно любезен. Такому же допросу был подвергнут и английский курьер.

Я прошел в буфет выпить стакан чаю. В сумерках под тяжело нависшим небом вокзал производил мрачное впечатление. Перед каждой дверью стоял жандарм, вдоль железнодорожного полотна часовые, а кругом, в беспредельной туманной равнине то там, то здесь, появлялись казачьи патрули, охранявшие границу.

Через 24 часа мы прибыли в Петербург.

Петербург был совершенно терроризован, — не только покушением, совершенным 1/13 марта, но еще более слухами о силе и отваге революционеров. На улицах можно было встретить лишь запуганных и растерянных людей. При

встрече друг с другом они обменивались тревожными новостями, множившимися с каждым часом. Говорили о сенсационных арестах, о захвате оружия, взрывчатых веществ, об обнаружении тайных типографий, о революционных прокламациях, расклеенных в общественных местах и даже в Зимнем дворце, об угрожающих письмах, полученных высшими представителями власти, об убийствах жандармских офицеров среди белого дня в центре города и т. п. Особенно были взволнованы только что опубликованным результатом расследования.

Распутывая нить заговора, полиции удалось обнаружить произведенный на углу Садовой и Невского подкоп, в котором была заложена адская машина, начиненная двумя пудами динамита.

Я направился прямо в посольство и тотчас же выполнил данное мне поручение. В тот же вечер, за обедом у генерала Шанзи, я познакомился с его главными сотрудниками: с его адъютантом подполковником Буадефром, советником посольства Терно-Компан и самым блестящим из секретарей, успевшим уже составить себе литературное имя – Мельхиором де Вогюэ.

В живой и интересной беседе, в которую генерал время от времени вставлял меткое слово, я впервые ближе ознакомился с Россией. Я не мог и желать лучшей подготовки к тому зрелищу похорон Императора, свидетелем которого я должен был стать на следующий день.

В 9 час. утра мы собрались в посольстве в парадной форме, дипломатической или военной.

День был холодный, небо – безоблачно. Закованная в гранитные набережные Нева пышно раскинула свой ледяной убор. Когда мы вышли из посольства, луч солнца заблестел на золотом шпиле Петропавловской крепости, привлекая взоры к куполу собора и к бастионам государственной тюрьмы.

С крепости раздались три пушечных залпа и вслед за этим был поднят черно-желтый штандарт с императорским гербом. Зазвонили во всех церквях. Погребальное шествие двинулось по Адмиралтейской набережной.

Шествие открывал эскадрон кавалергардов. Вслед за ним, выстроившись в ряд, шла вереница церемониймейстеров, несущих царские регалии покойного самодержца: короны, скипетры, державы, знамена и гербы Москвы, Киева, Владимира, Новгорода, Смоленска, Казани, Астрахани, Сибири, Волыни, Херсона, Польши, Ливонии, Эстонии и Курляндии, Карелии, Финляндии, Грузии и т. д. Перед каждым гербом двое конюших на поводу вели бранного коня, покрытого черной попоной и несущего щит с гербом данной области.

Вслед за ними престарелый князь Суворов нес на золотой подушке корону, сверкавшую брильянтами, рубинами и топазами. Он нес ее с трудом, так как она очень тяжела: это императорская корона России.

Так прошла передо мною в живых образах история рус-

ских монархов от Владимира Святого и первых московских князей до последних Романовых. И тут я впервые понял глубокий смысл того, что русские цари назывались «собирателями земли русской».

Эту величественную картину дополняли представители трех главных сословий: дворян, купцов и крестьян.

Два взвода кирасир замыкали первую часть шествия.

После небольшого перерыва шли певчие с горящими свечами, а за ними духовенство.

Величественная процессия священнослужителей в ризах из черного бархата, расшитого серебром, производила глубокое впечатление. В суровых митрах и византийских ризах, наполовину скрывающих их руки и лица, митрополиты и архиереи казались движущимися иконами.

Вслед за ними следовала траурная колесница, запряженная восемью черными лошадьми в траурных попонах с белыми султанами.

Внутри колесницы по углам гроба стояли четыре генерал-адъютанта. Сам гроб покрыт был горностаевым, вышитым золотом покрывалом.

За гробом следовал император Александр III с непокрытой головой, крепкий и величественный, в Андреевской ленте через плечо. Его сопровождали великие князья.

Императрица Мария Федоровна со своими детьми, великими княгинями и придворными дамами следовали за гробом в траурных каретах.

Шествие замыкал отряд гвардейцев.

Мы с генералом Шанзи пошли прямо в собор крепости. Подошли мы к нему одновременно с траурной колесницей. Император и великие князья сняли гроб и на плечах понесли его к катафалку.

Вслед за этим в ярко освещенной церкви перед таинственно сверкающим иконостасом началась дивная заупокойная литургия.

Императорская семья заняла место справа от катафалка.

Придворные чины, министры, генералы, сенаторы и высшие представители гражданской и военной власти стали в середине собора.

Иностранные послы, вместе с чинами посольств, заняли место за императором. Германию представлял генерал Швейниц; Австро-Венгрию – граф Кальноки; Англию – лорд Дюфрен; Италию – Нигра. Но и на этот раз лучше всех была представлена Франция. Своей внушительной внешностью, открытым и энергичным лицом, врожденным достоинством и изяществом манер, трезвостью своей речи генерал Шанзи блестяще олицетворял лучшие свойства французского характера.

Торжественное богослужение сосредоточивает мое внимание на усопшем, посиневшее лицо которого, освещаемое колеблющимся светом свечей, кажется трагическим: по православному обычаю гроб открыт.

Догадываясь о моих мыслях, Вогюэ сказал мне: «Вгляди-

тес в этого мученика! Он был великим царем и был достоин лучшей судьбы... Он не был блестящим умом, но он был великодушным, благородным и прямым. Он любил свой народ и питал бесконечную жалость к униженным и оскорбленным... Вспомните о его реформах. Петр Великий не совершил большего... вспомните о всех трудностях, которые ему надо было преодолеть, чтобы уничтожить рабство и создать новые основы для сельского хозяйства. Подумайте, что тридцать миллионов человек обязаны ему своим освобождением... А его административные реформы! Ведь он попытался уничтожить чиновничий призыв и социальную несправедливость. В устройстве суда он создал равенство перед законом, установил независимость судей, уничтожил телесные наказания, ввел суд присяжных. А ведь он был непосредственным преемником деспотичного Николая I!.. В иностранной политике созданное им не менее значительно. Он осуществил замыслы Екатерины II о Черном море, он уничтожил унижительные статьи Парижского трактата; он довел московские знамена до берегов Мраморного моря и стен Константинополя; он освободил болгар, он установил русское преобладание в Центральной Азии... И, наконец, в самое утро своего последнего дня, он работал над преобразованием, которое должно было превзойти все остальные и которое неминуемо вывело бы Россию на путь мирного западноевропейского развития: он хотел дать конституцию... И в этот день революционеры его убили! Как загадочно-стран-

но перекрещиваются линии истории и как издевается она над здравым смыслом. Освободитель американских негров Линкольн был также убит. А освобождение негров вызвало в другой части света освобождение крестьян. Александр II не хотел, чтобы Россия оставалась бы единственным христианским государством, в котором существовало бы рабство... Да, быть освободителем небезопасно!»

В это время хор начал петь «Вечную память». Вслед за этим священник прочел отпущение грехов и приложил ко лбу усопшего полоску пергамента с начертанной на ней молитвой.

Наступил момент последнего прощания.

Поднявшись по ступенькам катафалка с глазами, полными слез, Александр III склонился над гробом и запечатлел свой прощальный поцелуй на руке отца. Царица, великие князья и княгини последовали его примеру.

Вслед за ними послы с чинами посольства приблизились к гробу. Но в это время главный церемониймейстер, князь Ливен, попросил нас остановиться.

В глубине церкви, из двери, ведущей в ризницу, вышел министр двора, граф Адлерберг, поддерживая хрупкую молодую женщину под длинным траурным вуалем. Это морганатическая супруга покойного императора, княгиня Екатерина Михайловна Юрьевская, урожденная княжна Долгорукая.

Неверными шагами поднялась она по ступенькам ката-

фалка. Опустившись на колени, она погрузилась в молитву, припав головой к телу покойного. Через несколько минут она с трудом поднялась и, опираясь на руку графа Адлерберга, медленно исчезла в глубине церкви.

Вслед за этим дипломатический корпус прошел мимо гроба императора. Когда настал мой черед, я заметил, что вся нижняя часть тела усопшего, изуродованная взрывом, скрыта пышной мантией и что красная вуаль, закрывающая часть лица, скрывает две раны.

Из всех впечатлений, сохранившихся в моей памяти о моем первом пребывании в России, наиболее сильное было воспоминание о мимолетном появлении в соборе крепости княгини Юрьевской.

В течение следующих лет я видел ее несколько раз в Париже, где она вела обычную жизнь богатой иностранки. У нее не было никаких сердечных увлечений. Трое ее детей от Александра II, казалось, поглощали всю ее нежность. Она подолгу жила в Ницце, где и умерла 15 февраля 1922 г. Ее смерть была отмечена двумя-тремя газетными строками.

А между тем, я знал, что ее личная жизнь была связана с большой политической тайной. Немногие, в эту тайну посвященные, ревниво ее оберегали или унесли с собой в могилу.

Отрывочные сведения, собранные мною во время моей службы в Петрограде, несколько писем, попавших в мои руки, и, наконец, откровенный рассказ лица, посвященного в эту тайну и доверившегося мне, дают мне возможность более

точно определить то важное место, которое княгиня Юрьевская по праву должна занять в истории России.

Глава I

Княжна Екатерина Михайловна Долгорукая. – Ее предки. – Поместье Тепловка. – Разорение и смерть отца. – Княжна Долгорукая поступает в Смольный институт. – Встречи в Летнем саду с Александром II. – От сострадания к любви. – Бабигонский бельведер. – Странная клятва. – Комната Николая I в Зимнем дворце. – Связь становится известной. – Екатерину Михайловну увозят в Неаполь.

Княжна Екатерина Михайловна была дочерью Михаила Михайловича Долгорукого и его супруги Веры Гавриловны, урожденной Вишневецкой. Родилась она в Москве 2 ноября 1847 года.

Отец ее, унаследовавший крупное состояние, вел беспечный образ жизни и жил то в Петербурге, то в Москве, то в своем большом поместье Тепловке, вблизи Полтавы. Род Долгоруких идет по прямой линии от Рюрика, Владимира Святого и Великомученика Михаила, князя Черниговского. Дочь одного из предков Долгорукого, Мария, в 1616 году вышла замуж за Михаила Федоровича Романова, основателя династии Романовых.

В августе 1857 года император Александр II, приехав на маневры, остановился в Тепловке. Не желая быть навязчивой, вся семья переехала в один из флигелей.

Однажды, после обеда, царь со своими адъютантами сидел на веранде, когда мимо него пробежала маленькая девочка. Царь окликнул ее: «Кто ты? и что ты ищешь?»

– Я – Екатерина Михайловна, – пролепетала девочка, смутясь, – мне хочется видеть императора.

Это рассмешило Государя. Он усадил ее на колени, поболтал с нею и затем велел отвести к родителям.

Увидев ее на следующий день, Император был поражен ее прирожденной грацией, прелестными манерами и большими глазами испуганной газели. Изысканно-любезно, как будто бы она была придворной дамой, Царь попросил ее показать ему сад. Они долго гуляли вместе. Она была в восторге. Воспоминание об этом дне прочно закрепилось в детской памяти.

Год спустя Александру II вновь пришлось вспомнить о ней. Князь Долгорукий, безвольный и привыкший к широкому образу жизни, увлекшись спекуляцией, потерял все свое состояние. Деловые заботы расшатали его и так подорванное здоровье, и он вскоре умер. Дабы оградить семью от настойчивости кредиторов, Царь принял Тепловку «под императорскую опеку» и взял на себя расходы по воспитанию шестерых, оставшихся после смерти князя детей – четырех сыновей и двух дочерей.

Екатерина Михайловна и ее младшая сестра Мария поступили в Смольный институт, основанный Екатериной II в подражание Сент-Сирскому институту мадам де Ментенон.

Великолепное по архитектуре здание этого «Института благородных девиц» раскинулось на воспетой Пушкиным Неве в том ее месте, где река делает крутой поворот. Начиная с Екатерины II, все русские императоры и императрицы осыпали этот институт своими милостями. Они интересовались личностью воспитанниц, их работою и играми и часто посещали их.

В этом аристократическом учебном заведении юные княжны Долгорукие скоро выделились своей красотой. Обе стройные и с правильными чертами лица, они олицетворяли два разных типа женской красоты. Лицо старшей, Екатерины, было как бы выточено из слоновой кости и обрамлено каштановыми волосами; младшая, Мария, пышущая здоровьем, обещала стать красавицей-блондинкой. Александр II часто и охотно беседовал с ними. Но вскоре можно было заметить, что с особенным вниманием он относится к старшей.

В 17 лет Екатерина Михайловна окончила институт. Получая скромную пенсию, она поселилась у старшего брата, князя Михаила Михайловича, женатого на прелестной неаполитанке, маркизе Вулькано де Черчемаджиоре. Зимой они занимали квартиру на Бассейной, а летом жили в скромной даче в Петергофе.

Однажды весной Екатерина Михайловна в сопровождении горничной проходила по Летнему саду, покрытому еще снежным ковром. Она увидела императора, совершавшего свою обычную прогулку в сопровождении адъютанта. Госу-

дарь подошел к ней и, не обращая внимания на прохожих, наблюдавших за ними, увлек ее в одну из боковых аллей.

Ласковыми, нежными и соблазнительными речами царь глубоко смутил и взволновал неопытную, наивную девушку. Она хотела просить его замолчать, но, смущенная, не находила слов, застревавших у нее в горле.

С этого времени встречи стали довольно часты то в Летнем саду, то в извилистых аллеях Елагина острова, а летом под тенью векового леса в окрестностях Петергофа. Но тщетно государь говорил ей всякий раз о своей большой, властной и мучительной любви – она оставалась холодной, далекой и замкнутой.

Потом, в течение нескольких месяцев, Екатерине Михайловне удавалось избегать встреч с царем. Но вскоре он снова добился их.

Впоследствии, когда случилось неизбежное, она с недоумением вспоминала об этом периоде своей жизни и часто говорила своему верному другу госпоже Ш.: «Не понимаю, как я могла противиться ему в течение целого года, как не полюбила его раньше».

Полюбила она его не сразу. Однажды, при встрече с Екатериной Михайловной, царь показался ей таким беспомощным и несчастным, что в ней пробудились жалость и сострадание. В этот день она нашла простые, но очень нежные слова, бальзамом пролившиеся на его исстрадавшееся сердце. А когда они расстались, она упрекала себя в недостаточной

нежности. Впервые со времени их знакомства она с нетерпением ждала следующей встречи.

При следующем свидании, лишь только их взгляды встретились, она вздрогнула от внезапного сердечного потрясения и как бы вся переродилась.

Наступил июль 1866 года. Двор по обыкновению находился в Петергофе в великолепном дворце, выстроенном на берегу Финского залива Петром Великим с тайным желанием затмить Версаль.

В конце парка, близ дороги, ведущей в Красное Село, возвышается павильон, украшенный колоннадой, нечто вроде бельведера. Этот бельведер, носящий имя Бабигона, был выстроен Николаем I в 1853 году для его супруги, императрицы Александры. Уединенный и окруженный зеленью и цветами, он господствует над волнистой поверхностью финских вод.

Здесь 1/13-го июля Екатерина Михайловна, взволнованная до потери сознания, отдалась не менее взволнованному императору Александру II. Расставаясь с ней и покрывая ее последними поцелуями, царь торжественно поклялся ей:

«Увы, я сейчас не свободен. Но при первой возможности я женюсь на тебе, ибо отныне и навеки я считаю тебя своею женой перед Богом... До завтра!.. Благослови тебя Бог».

С тех пор Екатерина Михайловна часто приходила в павильон.

Когда же пасмурное сентябрьское небо и холодные осенние дожди вынудили двор вернуться в столицу, то встречи

юной княжны с ее августейшим другом стали еще более частыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.